

Анвар Багаутдинов: Табеев его называл Аксакалом, а Батыев собирался в разведку

Будущий руководитель парламента ТАССР участвовал в трех парадах Победы, так и не побывав в бою, хотя и рвался бить фашистов. Часть 1-я

Анвар Бадретдинович Багаутдинов занимал пост председателя президиума Верховного Совета ТАССР в самом конце своей политической карьеры — с 1983 по 1986 год. До этого он был весьма заметной фигурой в республике, бессменно руководя ее районами в течение 22 лет. Среди коллег, первых секретарей райкомов партии, его называли Аксакалом.

Слушатели высшей партшколы Анвар Багаутдинов и Наилья Валеева

«Я ВАС ВСЕХ УВАЖАЮ И ЦЕНЮ, НО В РАЗВЕДКУ ПОЙДУ С АНВАРОМ»

Супругу Анвара Бадретдиновича, Наилью Тухватовну Багаутдинову, не мешало бы взять в поле зрения телевизионщикам или эмиссарам Книги рекордов Гиннесса. Корреспонденту «БИЗНЕС Online» пришлось при знакомстве пару раз уточнять ее возраст, который она и не думает скрывать: «Да-да, мне уже за 90». Эта маленькая подвижная старушка кажется только что вернувшейся, скажем, с многокилометровой прогулки

или со съемок телепередачи-викторины «Своя игра». Ни намек на самую малую хворь, ни одной ошибки или даже запинки при упоминании многочисленных дат, имен, фамилий и даже громоздких названий должностей советского времени. Ее дочь **Фарида Анваровна** посоветовала во время нашей многочасовой беседы: «Да вы с ней не спорьте. Она же старый кадровик, помнит все не хуже любого чекиста».

А вспомнить, конечно, ей можно многое: Наиля Тухватовна в течение полувека была не только спутницей жизни видного партийного и государственного лица республиканского масштаба, но и сама сделала приличную партийную и производственную карьеру в системе «Татнефти», уйдя на заслуженный отдых в должности главного экономиста управления «Татнефтегаз». Да и познакомились они с будущим супругом уже как вполне состоявшиеся руководители, сидя в 1951 году за одним столом на занятиях в Татарской республиканской двухгодичной партийной школе. Наиля Валеева была призвана в ряды ее слушателей с должности заместителя руководителя Бугульминского райисполкома, Анвар Багаутдинов был в те годы вторым секретарем Бондюжского (*сейчас Менделеевского* — прим. ред.) райкома ВЛКСМ Татарской АССР. «Все сокурсники уже были семейными, только мы с Багаутдиновым „подкачали“, — Наиле Тухватовне как бывалой рассказчице удается сдержать улыбку. — А чем мы хуже? Ну и поженились». А вот версия жениха: «Я сидел за одним столом с Наилей Валеевой из Бугульмы — города, который по тому времени считался вторым в республике. Наиля была боевой девушкой. Учеба давалась ей легко и свободно, она прекрасно владела языком (в отличие от меня она закончила десять классов в городской русской школе). Была скромной, выдержанной и в то же время общительной... Поскольку мы с Наилей сидели за одним столом, то и время в основном проводили вместе. Она незамужняя, я холостой. Мы влюбились друг в друга и были счастливы. Перед самым окончанием школы я сделал ей предложение выйти за меня замуж. Наиля согласилась».

«Вся жизнь Анвара Бадретдиновича была посвящена тому, чтобы сделать окружающую действительность лучше, краше, богаче...» (Анвар Багаутдинов. 1982 год)

Председателем экзаменационной комиссии в партшколе был секретарь Татарского обкома партии **Батыев**, который, кстати, через 31 год передаст свой пост руководителя Верховного Совета республики именно Багаутдинову. Памятны его слова, сказанные много позже в адрес Анвара Бадретдиновича на собрании в честь Дня работников сельского хозяйства, где присутствовали видные руководители республиканского масштаба, первые секретари райкомов партии и даже несколько Героев Социалистического Труда: «Я вас всех уважаю, ценю, но, простите, в разведку я бы пошел с Анваром».

«А Табеев как назвал Анвара, старейшего и опытнейшего из всех первых секретарей райкомов юго-востока республики, Аксакалом, так за ним и повелось», — вспоминает супруга Аксакала.

Сайт государственного комитета РТ по архивному делу отмечает, что 25 октября 2002 года на гражданской панихиде, посвященной памяти

Анвар Багаутдинова, президент Республики Татарстан **Минтимер Шаймиев** сказал: «Вся жизнь Анвара Бадретдиновича была посвящена тому, чтобы сделать окружающую действительность лучше, краше, богаче...»

Аул Эмикеево начала XX века

С БЕРЕГОВ «УМИРАЮЩЕЙ» РЕЧКИ

Анвар Багаутдинов родился в татарской деревне Эмикеево (Жэмэкэй) нынешнего Камско-Устьинского района Татарии в 1925 году. «Это крохотное поселение, расположенное в 40 километрах от районного центра, вдоль речки Сухая Улема, насчитывало в то время около 30 дворов, — пишет он в своей автобиографической книге „О времени и о себе“. В моем детском воображении наша Улема, несмотря на свое название (в переводе на русский слово „улэм“ означает „умираю“), казалась широкой и глубокой рекой, особенно по весне, когда разливалось в половодье. Действительно, в засушливые годы в середине лета она почти пересыхала (как бы умирала), оставляя в русле лишь небольшие озера, и деревенская ребятня с восторгом ловила в этих теплых купелях рыбу».

Как водится, детство любого деревенского мальчишки было связано чуть ли не с круглосуточным трудом. «Летом вся детвора наравне со взрослыми — от зари до зари — была занята на полевых работах, — вспоминает Анвар Бадретдинович. — Если малец уже имел в руках силу держать лопату, вилы и косу, он становился незаменимым помощником родителям. Мы косили и ворошили сено, отвозили на телегах мелкие копны к месту скирдования, пололи сорняки, собирали колосья».

Отец Анвара — Бадретдин Багаутдинов

Отец Анвара — **Бадретдин Багаутдинов** — родился в 1900 году. Как и все деревенские мальчишки, учился в медресе при мечети, и это было все его образование, обычное по тем временам. В Гражданскую войну пошел добровольцем в Красную армию и принимал участие в разгроме белогвардейских войск. Что было потом? В поисках заработков сельские жители из тех мест частенько отправлялись в дальние края, в основном на угольные шахты Донбасса. Летом они возвращались домой, а на зиму снова уезжали. Случалось, кто-то насовсем оседал на чужбине, пригревшись у чьего-либо очага и найдя постоянную работу. «Таких людей в народе называли зимагурами, — вспоминает Анвар Багаутдинов. — Одно время отец тоже ходил в зимагурах. Помню по рассказам мамы, что, когда я появился на свет, его дома как раз не было, он работал в донбасских подземельях откатчиком угольных вагонов. Примерно в 1928 году вернулся домой совсем. Был организатором первых колхозов, затем его избрали председателем Атабаевского сельпо.

В 1930 году отец вступил в ряды ВКП(б). Его партийная карьера сложилась удачно — вначале секретарь партийной ячейки в одном из крупных сел района, потом инструктор Камско-Устьинского райкома ВКП(б). Мы его почти не видели, он пропадал дни и ночи на работе. Помню, отец всегда был при лошади и домой заезжал, может быть, раз в неделю. В 1935 году его направили учиться в Казань на курсы марксизма-ленинизма при Татарском обкоме партии. Это означало повышение в должности в скором времени. И точно — после окончания курсов его направили вторым секретарем райкома партии недавно образованного Высокогорского района. Встал вопрос: как семье жить дальше?

«БЕЗ КОРОВЫ МАМА НЕ СОГЛАШАЛАСЬ УЕЗЖАТЬ»

И вот однажды в деревню приехала грузовая полуторка. Ребяшня обрадовалась. «Ура! Мы переезжаем!» Зато мама ходила по дому потерянная. Как бросить нажитое хозяйство? Впрочем, вещей и скарба у нас было немного. Как оказалось, всего один сундук. Провожать нас сбежалась вся деревня... В машину мы первым делом погрузили свой сундук с пожитками. Труднее оказалось втащить в кузов нашу корову, которая жалобно мычала и упиралась изо всех сил. Но без коровы мама не соглашалась уезжать, и, промаявшись какое-то время, рогатую нашу кормилицу все же удалось уговорить... Мы, дети, пристроились на сундуке — я, Азат и Фарит. Через Волгу мы переправились на пароме возле Верхнего Услона. Казань мне почти не запомнилась, потому что нужно было в оба смотреть за коровой. Почему-то нам не разрешили (или по каким-то другим соображениям это было сделано) проехать на машине через город. Пришлось корову выгружать из полуторки и гнать ее по городским улицам. Мама шла впереди, держа в руках веревку, прикрученную к рогам испуганного животного, а я погонял сзади. Азат и Фарит, крепко взявшись за руки, шли рядышком.

Мы недолго прожили в Высокой Горе. Осенью 1937 года отца перевели на работу в Казань на должность заместителя заведующего сельскохозяйственным отделом Татарского обкома ВКП(б). Соответствующего образования по части сельского хозяйства (кроме, конечно, практического крестьянского опыта) у отца не было, но, вероятно, он подавал большие надежды за счет своих организаторских способностей и усердия.

КУРЫ-НЕСУШКИ В ЦЕНТРЕ СТОЛИЦЫ И В ХОЗЯЙСТВЕ НАРКОМА ФИНАНСОВ

Нам дали квартиру на улице Карла Маркса, в доме №54 (раньше его называли «домом правительства»). Началась у нас городская жизнь. Меня определили в среднюю школу №19, которая располагалась недалеко, на той же улице. Пошел я в пятый класс. Поскольку по-русски я едва научился разговаривать, коверкал слова и путался на уроках, ребята надо мной смеялись. При всем моем старании и зубрежке до

полуночи учеба давалась очень трудно. Это страшно огорчало родителей, мне все время доставалось. Но все же в конце учебного года справку об окончании пятого класса мне дали. Это была маленькая победа!

В магазин за продуктами ходил я, кроме того, в мои обязанности входило кормление 13 кур-несушек, которых содержали в подвале нашего дома. Ох и прожорливы были эти курицы! Мне приходилось ежедневно рвать траву на берегу Казанки, потом измельчать ее топором. Смешал все это с мукой — и корм готов: налетайте, хохлатки и пеструшки! Современный читатель удивится: как это — прямо в центре города держали кур? На окраине, в частном секторе, еще понятно — там и сараюшку можно соорудить, и лужайки какие-то найдутся, чтобы дать возможность несушкам покопаться в земле. И все-таки это так — едва ли не пол-Казани держало в подвалах и в пристроях к домам кур. В нашем доме так делали многие, чтобы каждый день иметь свежие яйца. Причем не только простой люд, но и высокопоставленные чиновники. Например, семья **Саида Мингазовича Шарафеева**, в то время — наркома финансов, тоже имела кур. Хотя в магазинах и на рынке продуктов было много, предполагаю, что жалованья отца едва-едва хватало на содержание такой семьи, как наша».

«НА ЭТОМ ТРАКТОРЕ Я И ПАХАЛ, И СЕЯЛ»

В 1938 году Багаутдинова-старшего избрали первым секретарем Бондюжского райкома ВКП(б). «Даже не помню, было ли мне жаль уезжать из большого города в обычный рабочий поселок, — пишет Анвар Багаутдинов. — Нас ведь не спрашивали ни о чем, семьи партийных лидеров были привычны к спешным сборам. Мы быстро приспособивались к новым условиям, обзаводясь новыми соседями и друзьями. Стремления к накопительству, вещицизму не было, потому и переезды давались сравнительно легко. Но, как оказалось, в Бондюге нашей семье пришлось осесть основательно и надолго: отец на посту секретаря райкома проработал до 1953 года». Так что войну Багаутдиновы встретили здесь, в Бондюге. С ее началом Анвара как старшеклассника-допризывника определили в трактористы. «Мне дали У-2 («Универсал»), — читаем в книге «О времени и о себе». — На этом тракторе я и пахал, и сеял. Бригада обслуживала два колхоза — «Тойминский» и «Кураковский». Техники было немного — три трактора СХТЗ и один У-2. По нынешним временам — это допотопная груда скрежещущего металла. К концу смены вконец оглохшего водителя мотало из стороны в сторону. Работа была очень тяжелая. Сейчас удивляюсь, как мы могли сидеть за рулем такого агрегата по 14 - 16 часов в сутки! Почти полгода, вплоть до октябрьских праздников (когда заканчиваются полевые работы), нас не отпускали домой. В конце года мне за работу начислили около двух пудов зерна... Мама похвалила меня и сказала, что на рынке продукты очень сильно подорожали в связи

с наплывом эвакуированных и заработанный мною хлеб — большое подспорье для семьи».

18-летний боец Красной армии Анвар Багаутдинов

В конце декабря 1941 года старшекласников 1925 года рождения призвали в военкомат и велели добровольно написать заявление с просьбой о зачислении в военное училище. Багаутдинову к тому времени исполнилось 17 лет, он мечтал попасть на войну и бить фашистов. 3 января 1943 года в числе 12 бондюжских старшекласников Анвара призвали в действующую армию.

«УВИДЕТЬ СТАЛИНА — ВСЕ РАВНО ЧТО УВИДЕТЬ БОГА»

Военная судьба помотала его по многим весям Союза, он был и зенитчиком, и курсантом пехотного училища, и десантником в специальном резерве Ставки Верховного Главнокомандующего — в элитных спецподразделениях, где совершил более 20 тренировочных прыжков с парашютом. «Дни шли. Мы изучали немецкий язык, читали газеты, слушали по радио сообщения о событиях на фронте... Но война проходила без нас, и это было обидно. Сколько раз, выступая на

собраниях, мы задавали единственный вопрос: «Когда нас отправят на фронт?» И в ответ слышали одно и то же: «Вы находитесь в рядах Красной армии и в составе воздушно-десантных войск готовитесь выполнять задание главнокомандования, — пишет о годах «своей» войны фронтовик. — В январе 1945 года меня и двух моих сослуживцев неожиданно направили в Звенигород Московской области в распоряжение командира 7-го отдельного учебного парашютно-десантного полка. Здесь в победном мае 1945 года я стал кандидатом в члены ВКП(б). В июне принял участие в Параде Победы в составе своего полка, который представлял воздушно-десантные войска.

Анвар Багаутдинов. 1945 год

К этому событию мы готовились долго и тщательно. Еще за 20 дней до начала парада наш сводный полк вывезли в Москву и расквартировали в походных палатках по Ленинградскому шоссе. Их называли почему-то «песочные лагеря». Мы вели в основном ночной образ жизни. Муштра и тренировки продолжались до утра, днем мы ложились спать. Проснувшись, принимались за строевую подготовку. Нас усиленно кормили, причем питание было очень калорийным.

22 июня прошла генеральная репетиция практически всего парада. Все это действо проходило ночью, когда москвичи спали. Мы отправились на парад накануне вечером в обмундировании десантника-парашютиста. За спиной парашютный ранец, на груди автомат, ствол которого был забит машинным маслом (видимо, во избежание каких-либо эксцессов или недоразумений). В бортовых машинах «ЗИС» сидели по 16 человек. Ночью пошел дождь, а мы стояли на площади перед Большим театром Союза СССР и не имели права сдвинуться ни на шаг. К утру промокли до ниточки.

Весточка с фронта [Чтобы открыть, нажмите](#)

Так было со всеми участниками парада, проведшими бессонную ночь под струями дождя. Конечно, все мы нервничали, но все прошло нормально. Наша машина шла в правом ряду, и я тоже сидел в правом ряду, обращенном к трибуне мавзолея, так что мне очень хорошо было видно членов правительства. Все мое внимание было обращено на Сталина. Лицезреть живого Иосифа Виссарионовича Сталина, с именем которого шли в атаку, — все равно что увидеть самого Господа Бога. Вся наша жизнь, начиная с младенчества, была связана с именем этого

человека. Я удовлетворил свое любопытство сполна, и это было очень большим событием в моей жизни. В составе учебного полка я участвовал также в ноябрьском 1945 года и майском 1946 года парадах, проходивших на Красной площади.

Анвар Багаутдинов во время службы в штабе батальона в Приморье. 15 января 1949 года

«КОГДА НАДО, ТОГДА ВАС И ДЕМОБИЛИЗУЮТ»

В июне 1946 года я был принят в члены ВКП(б). К тому времени я окончил учебу, мне присвоили звание сержанта и направили в город Муром Владимирской области в распоряжение командира 98-й гвардейской Свирской парашютно-десантной дивизии. Оттуда — в 299-й гвардейский парашютно-десантный ордена Кутузова III степени полк.

В июле 1946 года дивизия погрузилась в железнодорожные вагоны, и наши эшелоны взяли путь на Дальний Восток. Туда в то время двигался весь 37-й гвардейский воздушно-десантный корпус. Через 12 дней мы прибыли на станцию Галенка недалеко от Владивостока, разгрузились и дальше пошли маршем в поселок Чернятино Молотовского района Приморского края... Спешный выезд нашего корпуса и других армейских частей на Дальний Восток сейчас можно объяснить тем, что в мае — июне 1946 года гоминьдановские войска начали теснить Народно-освободительную армию Китая, положение на границе стало критическим. И вот в это время и произошла концентрация наших войск вдоль советско-маньчжурской границы.

Я служил в управлении полка — сначала инструктором по укладке парашютов, потом старшим писарем по учету офицерских кадров. Был

членом партбюро управления полка. Мы ждали приказа об увольнении, ведь практически все военнослужащие 1923, 1924, 1925 годов рождения были демобилизованы, а нас все держали в армии. Занятия шли своим чередом — они стали более масштабными. В 1948 году произошло перевооружение полка. Вместо машин марок Willys, Studebaker, Ford пришли автомобили «ЗИС» Московского и «ГАЗ-67» Горьковского автозаводов. Полностью заменили также устаревшие автоматы, пушки и другое вооружение. Соответственно, пришлось заново садиться за парты и приступать к изучению нового оружия и новой техники. Вышел новый армейский устав, его тоже пришлось зубрить так, чтобы от зубов отскакивало. Начались крупные учения в масштабе дивизии, корпуса во взаимодействии с авиацией, речной флотилией и Тихоокеанским флотом... Так мы встретили новый, 1950 год. Уходили в армию 17–18-летними юношами, теперь уже достигли возраста 25 лет, а нас все не отпускали. Ответ был один: «Товарищ Сталин знает об этом. Родина требует, чтобы вы служили: когда надо, тогда вас и демобилизуют».

Лишь в конце января 1950 года поступил приказ по 37-му корпусу о демобилизации солдат и сержантов 1925 года рождения. Мы ликовали: наконец-то домой! Демобилизовалась почти половина нашего полка. Расставание и проводы были трогательными: перед строем сослуживцев мы подходили и целовали боевое Красное Знамя полка. В начале марта 1950 года я вернулся в Бондюгу к родителям».

Подготовил Михаил Бурин

Багаутдинов Анвар Бадретдинович (1925–2002) — председатель президиума Верховного Совета ТАССР в 1983–1985 годах.

Родился 27 ноября 1925 года в деревне Эмикеево Камско-Устьинского района ТАССР. Татарин, окончил Татарскую республиканскую двухгодичную партийную школу (1953 год), Мензелинский сельхозтехникум (1964), Казанский государственный университет им. Ульянова-Ленина (1959) по специальности «история».

1941–1942 — тракторист Бондюжской МТС Бондюжского района Татарской АССР.

1942–1943 — учащийся Бондюжской средней школы Бондюжского района Татарской АССР.

1943–1950 — служба в Красной (с 1946-го — Советской) армии.

1950–1950 — начальник военно-учетного стола Бондюжского РО МГБ Татарской АССР.

1950–1951 — второй секретарь Бондюжского райкома ВЛКСМ Татарской АССР.

1951–1953 — слушатель Татарской республиканской двухгодичной партийной школы, город Казань.

1953–1954 — заведующий отделом пропаганды и агитации Бугульминского райкома КПСС Татарской АССР.

1954–1957 — секретарь Бугульминского райкома КПСС по зоне Бугульминской МТС Татарской АССР.

1957–1960 — секретарь Бугульминского горкома КПСС Татарской АССР.

1960–1961 — второй секретарь Бугульминского горкома КПСС Татарской АССР.

1961–1962 — первый секретарь Азнакаевского райкома КПСС Татарской АССР.

1962–1965 — секретарь парткома Альметьевского производственного колхозно-совхозного управления Татарской АССР.

1965–1979 — первый секретарь Азнакаевского райкома КПСС Татарской АССР.

1979–1983 — первый секретарь Альметьевского горкома КПСС Татарской АССР.

1983–1986 — председатель президиума Верховного Совета ТАССР.

1985–1990 — заместитель председателя президиума Верховного Совета РСФСР, в 1989–1995 годах — член Центральной избирательной комиссии по выборам народных депутатов ТАССР.

В 1963–1987 годах — депутат Верховного Совета ТАССР, с 1983 по 1986 год — депутат Верховного Совета РСФСР.

Анвар Багаутдинов был награжден орденами Ленина и Дружбы народов, тремя орденами Трудового Красного Знамени, медалями и почетными грамотами.

Фото из книги Анвара Багаутдинова «О времени и о себе», из фондов Государственного комитета РТ по архивному делу, из семейного архива Багаутдиновых

Подробнее на «БИЗНЕС Online»: https://kam.business-gazeta.ru/article/344536?utm_source=chelny&utm_campaign=must-have